

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

1972
СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ...

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Разработка серийного оформления
Владислава Матвеева

Иллюстрация на переплете
Станислав Дудин

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 1972. Союз нерушимый... / Евгений Щепетнов. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-117490-3

Шелепин и Семичастный готовят «бомбу», которая разорвется на внеочередном съезде КПСС. Жизнь советских граждан резко изменится — если курс партии и правительства будет направлен в правильную сторону. Но правильная ли она? Кое-кто считает, что нет. И грядет ГКЧП!

Ну а Карпову, как всегда, нужно думать, как выжить, и он должен не просто выжить, но еще и сохранить то, что получилось с его подачи. А это будет очень, очень трудно!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щепетнов Е.В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-117490-3

Глава 1

— Готов к труду и обороне!

— Вижу, — буркнул Семичастный, отрываясь от каких-то бумаг. — Загорелый! А мы тут бледные, как поганки! Все в работе! Не до пляжей! Бездельник.

— Так вы плюньте на все — и в Крым! — ухмыльнулся я. — Там красотища! Море, скалы... девушки красивые бродят! Хорошо!

— Не до девушек... — вздохнул Семичастный и тут же демонстративно свел брови. — Какие тебе девушки?! У тебя уже есть одна! Гарем завести решил?

— Почему бы и нет? — легкомысленно заявил я, еще не отошедший от недельного отдыха. — Одна варит, другая шьет, третья...

— М-да... — поднял брови председатель КГБ. — Вот нельзя людям слишком много отдыхать. Сразу их куда-то налево тянет.

И тут же посерьезнел:

— Вот что, Карпов... откладывается визит Никсона на два месяца. То есть пройдет он не десятого июня, а в середине августа. Причина нам досконально не известна, но по некоторым данным — у него все еще не прекратилась возня с ФБР и всем, что с ним связано. То есть идут чистки и политическая

работа. Но визит не отменяется, это стопроцентно. Но нам это и на руку. Работаем по плану: ты занимаешься Дачей, готовишь группу «Омега». Там все готово, и первый состав завезли. Твоя группа уже там.

— А что в Сенеже?

— Программу ты составил, так что обучаются по ней. Нормально все в Сенеже. Я тебя вот зачем пригласил...

Семичастный замолчал и посмотрел куда-то поверх головы, постукивая пальцами по столешнице. Потом перевел взгляд на меня и секунд десять смотрел, будто определяя — можно ли со мной говорить на эту тему. Наконец решился:

— В июле состоится съезд партии, на котором будут выдвинуты тезисы, которые определяют нашу жизнь на десятилетия вперед. Многое мы почерпнули из твоей информации, на основании которой и были сделаны выводы. Впрочем — не только по ней. Перемены должны были начаться! Страну нужно перестраивать, нужно изменять! И начинать с идеологии. Генеральный секретарь выступит с докладом, в котором все будет изложено. Есть основания считать, что после того, как пройдет съезд, могут активизироваться деструктивные силы, которым не по душе перемены, происходящие в стране. К тому времени вы должны быть готовы. Я думаю, что, скорее всего, если что-то начнется, то ближе к Новому году. Так что время у нас есть. И еще...

Семичастный снова задумался.

— Еще... тот теракт, что на мюнхенской Олимпиаде. Мы решили, что твои люди должны его предотвратить. Мы отправим несколько человек под видом массажистов или еще кого-нибудь, и они ликвиди-

руют террористов. Ты должен подготовить людей так, чтобы не было осечки. У тебя почти три месяца. Люди для «Омеги» подобраны самые лучшие — из спецназа, часть подобрал сам Аносов. Так что думаю — этого хватит.

— Думаете, будет война? Гражданская война? — мрачно спросил я, глядя в лицо Семичастному.

— Все может быть, — так же мрачно ответил он — Мы держим на контроле, работаем с армией, но... не все в наших силах. Постараемся предотвратить.

— А может, подождать со съездом? С объявлением нового курса? Вначале зачистить верхушку? Всех бунтовщиков!

— Если бы еще и знать — кто они, эти бунтовщики! — вздохнул Семичастный. — Только сам бунт и выявит, кто за нас, а кто против нас. Так что...

— Теория управляемого хаоса? — усмехнулся я, и Семичастный удивленно поднял брови:

— Как ты сказал? Управляемый хаос?

— В моем мире так называют некие действия, направленные на дестабилизацию системы. Политической системы. Расшатывание, но до определенной меры — не допуская революции. И в этом хаосе устанавливается свой порядок.

— Ну что-то вроде того, — пробормотал Семичастный и махнул рукой. — Поезжай. Завтра с утра должен быть на Даче. Лучше всего — живи там, тем более что все условия для этого созданы.

— Вопрос! — сказал я, поднимаясь со стула. — Когда я смогу слетать в Штаты? Мне нужно сыграть роль в фильме, я обещал кинокомпании. А еще — посмотреть, как идут дела. Так-то я созванивался

с людьми в Штатах, но по телефону много не говоришься, притом по таким грабительским тарифам. Мне нужно съездить.

— Тарифы ему не нравятся! — фыркнул Семичастный. — Да при твоих капиталах ты сутками можешь не слезать с телефона! Вот же жадный кулачок! Я что, не знаю, что ты еще больше ста миллионов долларов отсудил у букмекеров? Там такой вой стоит в газетах — до небес!

— Я не жадный, я рачительный! — тоже фыркнул я и добавил уже серьезно: — Разрешите идти?

— Иди... полковник! — кивнул Семичастный. — Завтра чтобы был на месте.

И я вышел. И пошел по знакомой ковровой дорожке, которая удивительно эффективно глушила шаги.

Неделя, которую мы с Ольгой провели в Крыму, была просто... я даже не знаю, как это назвать! Это был Крым. Не Крымнаш, не Крым-жовтоблакитный — просто Крым, советская здравница. Именно здравница, потому что не зря сюда некогда приехал Чехов, чтобы избавиться от туберкулеза. Сухой, чистый воздух Крыма очень даже способствует выздоровлению людей с легочными заболеваниями — в отличие от сочинского. Я ничего не имею против Сочи, кроме одного — в том же Адлере ты встаешь утром где-нибудь в доме на берегу Имеретинской бухты (самая чистая морская вода Сочи именно там), а на машине слой воды едва ли не в палец. И она каплями и струями стекает на землю. Бешеная, просто сумасшедшая влажность! Нездоровый климат. Сейчас уже мало кто помнит, но вообще-то сочинские места (тот

же Адлер) были местом ссылки декабристов, которые работали на осушении сочинских гнилых комариных болот.

Совсем другое дело Крым! Чистая морская вода, пляжи — и песчаные, и каменные, и просто каменистый красивый берег! Украина в свое время хапнула хорошенький такой кусочек России, загадила Крым, выкачивая из него ресурсы и ничего не возвращая назад, а когда крымчане, видя такой беспредел, быстренько сбежали в Россию — объявила Крым оккупированным и потребовала возврата. Ага... щас прям! Крымчане, радостные, что сбежали от Незалежной, крутили дули и показывали факи свидомым патриотам, которые кричали о том, что обязательно вернут Крым, и в совсем даже недалеком будущем.

Кстати сказать, если бы Украина не повела себя так мерзко, так глупо и хапужнически — Крым от нее никуда бы не делся. Я был в Крыму, когда Союз только-только развалился. И видел настроение крымчан — они, между прочим, были в основной массе очень довольны отделением от России. Мол, вот теперь заживем! Вот теперь нам попрет! А то Москва с нас все высасывала! А потом началось... беспредел крымских татар, наглое хапужничество украинских чиновников и олигархов, которые творили в Крыму все что хотели, и самое главное — разгул бандеровских недобитков на территории всей Украины. И это при катастрофическом снижении доходов крымчан.

А откуда возьмутся доходы? «Кляты москали» резко перестали ездить в Крым, предпочитая ему сочинский парник, а украинские туристы... ну что с них проку? Безденежные и очень даже «рачитель-

ные» в своих поездках по Крыму. Не разгуляешься! Цены на недвижимость в Крыму резко упали, море — это не главный фактор того, что человек захочет приобрести здесь жилье. Надо еще где-то заработать денег на прожитье.

А вот потом... когда Крым «вернулся в родную гавань» — тогда и понеслось. Цены скакнули вверх просто невероятно! В Ялте за какую-нибудь древнюю халупу с участком в две сотки требовали девять-десять миллионов. А когда хозяина спрашивали — не спятил ли он? — хозяин этот самый с ухмылкой говорил, что москвичи все скупают и у него купят тоже. И вообще: «Вам теперь что, все даром раздать?!»

Тот Крым, в котором были мы с Ольгой, — был совсем другим Крымом. «Настоящим!» Мы поселились в гостинице, куда пускали только иностранцев и номенклатуру. Это гостиница «Ореанда», которая работала как в будущем — по системе «все включено». Простой советский гражданин туда попасть не мог, хотя цена на проживание в люксе была, можно сказать, смешной — всего пять рублей за двухместный номер с телевизором, холодильником и даже кондиционером. Прежде чем выехать в Крым, я позвонил по известному телефонному номеру, и все было устроено в считанные часы. Когда мы с Ольгой оказались в прохладном холле гостиницы «Ореанда», нас уже ждали ключи от люкса, за который, кстати, я не заплатил ни копейки. «Халява, плиз!»

Хорошая гостиница. Эдакий уголок высшего советского шика! Плюшевой безвкусицей назвать язык не повернется — просто сейчас так модно.

Кстати сказать, мой белый «Кадиллак» у входа в гостиницу смотрелся хоть и эпично, но не совсем так вызывающе, как в Москве или где-нибудь в Воронеже с Саратовом. По одной простой причине — рядом с «Ореандой» парковались и «Чайки», которые возили чиновников самого высшего ранга. Всю неделю так и стояли рядом — наш «кадди» и белая «Чайка», и кому она принадлежала, я так все-таки и не узнал.

Да по большому счету и не хотел узнавать. Мы уезжали утром и приезжали вечером — катались по всему Крыму, открыв верх и наслаждаясь сладким крымским воздухом. Обедали в ресторанах, которые попадались на пути, загорали на пляжах, которые увидели и которые нам понравились.

Даже на нудистский пляж забрели в какой-то закрытой бухте. Ольга, ничуть не стесняясь окружающих, тут же разнагишалась и подставила солнцу незагорелые участки своего красивого ухоженного тела. Очень даже красивого тела. Ну а я последовал ее примеру, и почти полдня мы валялись, поджариваясь, как бифштексы на сковороде. Благо, что Ольга довольно-таки смуглая (брюнетка ведь!), а я так вообще не сгораю. И раньше практически не сгорал, в своем мире, а теперь и тем более не сгораю — гомеостаз не позволяет. Тут же становлюсь темным, как мулат. И Ольга говорит, что загар мне идет.

В общем — отдыхали мы в Крыму как в последний раз. Мало ли что там, впереди, но эта неделя наша! Только солнце, только море, только воздух. Ну и все, что к этому прилагается, — вкусная еда, вкусное вино, вкусный секс, которым мы занимались

там, где нам приспичит. Захотели по дороге — отъехали в сторону, и понеслось! Или забежали за скалу. Или обнялись в море и вроде как обжимаемся, на самом деле активно занимаясь «процессом».

Кстати сказать, таких, как мы, тут было полным-полно, так что наша парочка особо и не выделялась. Ну... пока не садились в «Кадиллак»-кабриолет. Тогда десятки и сотни завистливых взглядов упирались в наши поджаренные на солнце лица. Девушки и женщины истово завидовали Ольге — рядом с молодым мужиком, в иномарке-кабриолете! «Вот сучка!»

Ну а мужчины завидовали мне — за рулем кабриолета, с красивой девушкой! «Вот козел!»

Но мы уже как-то начали привыкать к излишнему вниманию и практически не обращали на него внимания. Меня нередко (можно даже сказать — очень часто) узнавали в магазине, на набережной, в гостинице, и не только советские граждане. Двое французов (парочка лет сорока), каким-то образом оказавшиеся в Крыму, бросились ко мне с моей книгой и попросили автограф, на ломаном русском языке объясняя, как они любят мои книги и все такое прочее. Расписался, чего уж там.

Ну а про встречи с советскими гражданами и говорить нечего — наш народ непосредственен, и нашим людям ничего не стоит подойти и, обдав запахом разливного вина (оно здесь продается прямо из бочек на улице, как квас), спросить: «Это не вы тот самый Карпов? Ну что песни пел на Девятое мая! Можно, мы с вами сфотографируемся?» И неважно, что я сейчас не в том настроении или просто сижу в ресторане и у меня стынет бифштекс — попробуй

откажи! Сразу сделаешься снобом, зазнайкой, который ни в грош не ставит простого советского человека. Было и такое. Хотя в основном я стискивал зубы и фотографировался с довольными отдыхающими, изображая из себя ручную обезьянку. «Фотку делаем! Фотку! Фотку делаем!».

Я старался маскироваться — надевал темные очки, кепочку, но... народ у нас удивительно глазастый. Да и на пляже — не будешь же сидеть в очках и кепке? Хорошо хоть, на нудистском пляже не просили обнять их жену или подержать ее на руках — фото на память с голым Карповым.

Но вообще в остальном все было замечательно. Издержки популярности — терпи, раз поднялся! Когда уезжали, даже стало немного грустно. Вот и кончилась неделя! Все когда-нибудь кончается, но хорошее почему-то гораздо быстрее плохого.

Немного опасался, что мой «кадди» не выдержит длительной поездки по советским дорогам и где-нибудь накроется медным тазом. Отремонтировать его в СССР представляется огромной проблемой. Запчасти надо заказывать из США, да похоже, что и мастера-слесаря — тоже. Однако «Кадиллак» выдержал и дороги, и мародеров (они к нему просто боялись приближаться), кушал советский бензин и только гулко урчал могучим движком. Расход у него, конечно, не такой, как у той же «копейки».

Кстати — пожалел, что не перегнал ее из Саратова. «Копейка» незаметна, не то что белый мастодонт с открытым верхом. Иногда хочется куда-нибудь съездить, не задействуя транспорт КГБ. Да и мало ли что там, впереди... хочется иметь под рукой запасной вариант в плане транспорта. На «копейке» тоже

можно уехать хоть на Сахалин — если понадобится. Да и пальцем никто не показывает.

Вообще я немного устал. Эти два года непрерывной гонки, борьбы, нервотрепки всех видов — это на самом деле утомляет. Да и непрерывная выдача на-гора такого количества текста не проходит даром. Мозги начинают кипеть. Хочется забиться в какую-нибудь нору и никого не видеть минимум недели две! Или месяц. Кроме тех, кого видеть все-таки хочется.

Ольгу, например. С ней мне легко и приятно — во всех отношениях. Она не напрягает. Легкая в общении, никогда не ноет, всегда и всем довольна — во всем находит свои позитивные моменты. С ней и поговорить, и сексом позаниматься — одно удовольствие!

Кстати, и сексом занимается с полной отдачей, и не брезгует ничем, говорит, что в сексе нет никаких запретов. Ну... тут я с ней не согласен, кое-что я на дух не переношу, всякой там грязи и гадких извращений, но в общем-то я с ней согласен. И вообще приятно знать, что у тебя есть женщина, которая тебе ни в чем не откажет. И друг, и любовница в одном флаконе. Она за меня глотку перегрызет, если что, и не будет закатывать глаза и падать в обморок, если мне грозит смертельная опасность. Уверен в этом. Проверено.

Когда мы вернулись в нашу квартиру на Котельнической набережной, закрывая входную дверь, Ольга вздохнула и грустно улыбнулась:

— Знаешь, наверное, это были самые лучшие наши с тобой дни вместе. У меня такое ощущение, что больше такого не повторится. Жаль, что так мало. Но только ради этого стоило жить!

Я посмеялся — мол, что за пессимизм?! Что за пораженческие настроения?! Но на самом деле у меня тоже было такое ощущение, только я в этом признаваться не хотел.

Мы поставили наш «кадди» на его законное место в подземном гараже высотки и с тремя здоровенными чемоданами поднялись в нашу квартиру. И откуда только столько барахла набралось? Вроде ничего такого и не покупали... Выезжали — был один чемодан, приехали — с тремя. Ну да, заходили в тамошнюю «Березку», которая там называется совсем не «Березка», прикупили кое-какого барахла, но мне казалось — совсем мало, не такие уж объемы! А может, мне показалось... Ольга хватала все подряд — купальники, чулки, нижнее белье, платья, брюки — я только успевал оплачивать. И самое смешное, что почти ничего из купленного так ни разу и не надела. Видимо, весь фан был именно в покупках. Сам процесс приводит к чему-то вроде оргазма.

Я вот терпеть не могу посещать магазины и заниматься шопингом — для меня это нож острый. Ходить, рассматривать, щупать, мерить... ффффуу! А для женщин шопинг, с моей точки зрения, какое-то извращенное удовольствие! Особенно когда знаешь — тебе купят все, что ты попросишь. И пусть продавщицы только глаза округляют!

Никого из наших соседей по высотке не встретили — если не считать консьержей и милиционеров при входе, почтительно взявших под козырек. Ну и лифтера, который тут же уцепился за чемодан и предложил мне помочь донести, от чего я с благодарностью отказался. Я совсем еще не стар, чтобы пенсионер-лифтер таскал мои чемоданы. Подарил

ему бутылку крымского вина — лифтер долго распинался в благодарностях.

Ну да, по календарному (если можно так выразиться) возрасту мне сейчас около пятидесяти двух лет. По реальному, физическому возрасту организма — максимум двадцать пять. Как сказала Ольга — у меня каждая мышца играет, как у какого-нибудь культуриста, особенно когда загорел, ну просто модель для художника и скульптора. Все девицы и женщины на пляже шеи свернули, на меня исподтишка глядячи. Ольга со смехом рассказывала, как женщина из парочки, расположившейся по соседству, ругала своего грушеобразного мужа, приводя ему в пример меня как настоящего мужика. Конкретно сказала, что, если бы я ее поманил, она ушла бы за мной на край света! Вцепилась бы и никуда меня не отпустила! Настоящий самец! Мужчина! Не то что он, жалкая, ничтожная личность!

Честно сказать, я эту женщину не помню и ничего такого не слышал. Если я и смотрю на женщин, то на особо красивых, фигуристых, спортивных. Особенно если таковые имелись на нудистском пляже (а они имелись). Но когда с тобой женщина, которую можно условно взять за идеал и фигуры, и характера, и интеллекта, — ну на кой черт мне какие-то рыхлые матроны, мечтающие удрать с любовником на край света? Я на них вообще не смотрю. Не интересно.

Только лишь мы вошли в квартиру, прозвенел телефонный звонок. Уже донесли, это уж само собой — Карпов дома! Знакомый голос пригласил меня на встречу с Семичастным — на следующий день к двенадцати часам. Само собой, от таких

встреч не отказываются, так что на завтра я сидел в кабинете своего наивысшего начальства (если забыть про Провидение) и слушал его видение моей будущей жизни.

Честно сказать, мне ужасно хотелось свалить отсюда куда подальше. Я и в своем мире по горло наелся армейской службой, так еще и в «послесмертии» мне пришлось заниматься практически тем же. Тошнит уже! Я хочу писать книги! Снимать фильмы! Делать телевизионные шоу! Да просто бездельничать, отправившись вдоль побережья на своей яхте! Зря, что ли, купил виллу на побережье США? Столько планов, столько хочется успеть сделать!

Увы... долг превыше всего. Вначале я сделаю так, чтобы Союз сохранился. Чтобы он не развалился — ни за что и никогда! И уже потом займусь удовлетворением своих желаний. Ведь, в конце-то концов, зачем я занялся бизнесом? Для чего заработал такие деньги и получил такую известность? Чтобы безопасней было заниматься главным делом моей жизни — сохранением СССР! И я добьюсь этого. Добьюсь, чего бы это мне ни стоило!

Разговор с Семичастным меня, можно сказать, не удивил. Единственное, о чем я пожалел, — не задержался на курорте подольше. Ну хотя бы еще на неделю. Уж больно славно все получилось! Но надо и честь знать — потехе только час. Делу — вся жизнь.

То, что американский президент перенес свой визит, — это совершенно понятно, и чего-то подобного я ожидал. Выкорчевать из ФБР и властных структур всех заговорщиков — дело очень непростое и не одного дня. Гувер помер, как я и ожидал, как это

и было в нашем времени, но его люди остались. Этот паук сидел на своем месте десятки лет и протянул свою паутину на всю страну. И не только на США.

Ну что же, до осени еще потерплю, обучу моих, так сказать, преемников системе подготовки спецов моего типа и... займусь наконец интересными делами. Есть у меня задумки... если выгорит — Билл Гейтс отдыхает! Я буду круче!

Зачем круче? Да все затем же — влиять на цивилизацию так, чтобы она шла в нужном направлении. Мессианство? Да, мессианство. И я Мессия. Никому об этом не скажу, только себе. Долго думал над тем, зачем я здесь, и пришел к выводу: я заброшен сюда затем, чтобы земляне не уничтожили и себя, и саму Землю.

Слишком фантастично? А не более фантастично, чем существование Вселенной! Кто ее создал? Зачем? Из чего? Бог? Провидение? Назову его все-таки «Провидение». Ну, так вот: возьмем за рабочую версию тот факт, что в будущем могла начаться третья мировая война, способная уничтожить цивилизацию и выжечь Землю. А то и превратить ее в груды камней, плавающих вокруг Солнца. Возможно, так и закончила планета Фаэтон — если верить некоторым ученым.

Представим, что та же Земля суть организм, и люди входят в его структуру, как бактерии живут в организме человека. Если бактерии ведут себя правильно — организм здоров. Если начинают «хулиганить» — организм болеет и гибнет. Я, конечно, утрирую, все гораздо сложнее, но... скорее всего, так. И вот Земля выбирает некую «бактерию», по одной ей ведомым критериям, и засылает ее, то есть меня,

в прошлое, с целью заставить «колонию бактерий» изменить свое поведение, чтобы повлиять на принятие решений руководства «колонии». Чтобы избежать тотальной мировой войны, которую никто не переживет.

Я не знаю, не могу знать — почему не переживет. Возможно, изобретут оружие, которое способно уничтожить планеты. Возможно, что это оружие применит какой-нибудь безумный «ястреб» из числа доносящих демократию до неразвитых, «не демократических» стран. А наши ответят. Обязательно ответят, я знаю! И все вместе разнесут планету в космическую пыль.

И вот тут я — законсервированный, закапсулированный, с абсолютной памятью, неубиваемостью и, наверное, вечный. И я должен сделать все, чтобы цивилизация жила. Чтобы Земля жила.

Что может сделать один человек? Да много чего может! Пусть даже тысяча людей будет доказывать, что роль личности в истории ничтожна — это чужь. От личности зависит очень многое. Иногда — все!

Думаю, что пока я все делаю правильно. Иначе меня бы, скорее всего, уже не было в живых. И я чувствую, что все делаю правильно. И будь что будет.

«Я сделал все, что мог, и пусть другой сделает лучше меня!» Нет, не надо другого. Я сделаю. И только я.

* * *

И снова чемоданы — числом три. Только теперь в них не пляжные принадлежности, а то, без чего нельзя или не хочется жить длительное вре-

мя. Сменные брюки-рубашки, платья и юбки, белье нательное и постельное. Не знаю — есть ли постельное белье на Даче, лучше перестрашуемся. В общем — чемоданы получились не менее тяжелыми, чем по приезде с курорта. Консьержи и милиционеры на входе проводили нас удивленными взглядами, но ничего не спросили — вышколенная служба. Кому какое дело, куда отправляется жилец? Может, это государственная тайна! Кстати, так оно на самом деле и было.

Загрузили чемоданы в наш белый, изрядно запывившийся «Кадиллак», и через несколько минут он плавно, как линкор по морю, выплыл из ворот гаража, просигналив знакомому сторожу, довольно помахавшему вслед рукой.

Приятно человеку, что его не игнорируют такие важные персоны, раскатывающие на белых «Кадиллаках». А почему бы не сделать человеку приятно, особенно если тебе это ничего не стоит? Бибикнул, вот он и рад вниманию, а потом расскажет где-нибудь в тесной компании, что знается с самим Карповым («Ну вы знаете — писатель, герой Советского Союза! Песни еще поет классные!») и тот не гнушается здороваться при каждой встрече.

Кстати сказать, я вообще никогда не считал для себя зазорным здороваться со всеми, кого знаю. И кого не знаю — тоже. Вежливость — она не только способствует сохранению хорошего настроения, иногда она может и спасти. Поздоровался с человеком, а он, может, хотел тебе вогнать нож в спину! И после твоего «здравствуйте» — передумал.

Утрирую, конечно, но суть такова. И теперь, когда я стал таким узнаваемым и публичным, — вежливо

поздороваться, не нахамить, не нагрубить взял себе за правило в ранге закона. Даже когда тебя узнают на пляже и пытаются с тобой сфотографироваться, а ты, понимаешь, не очень хочешь снимка в одних трусах. И тем более — без них.

Да, хорошо хоть в этом мире еще не долезли до смартфонов... иначе никакого спасения! Известный человек в моем 2018 году находится будто под перекрестным огнем — ни в магазин не выйти без того, чтобы тебя запечатлели на смартфон, ни на пляже позагорать. Чего уж тогда говорить о нудистских пляжах — поймать какую-нибудь звезду газет и экранов в абсолютно натуральном виде — мечта любого папарацци.

Впрочем, по большому счету мне и наплевать — в каком виде меня сфотографируют. Чего мне стесняться? Как сказала Ольга, у меня фигура культуриста, а что касается мужских причиндалов — 90 процентов мужчин точно обзавидуются. И сто процентов женщин — Ольге.

Не знаю, может, и так. Я не специалист по мужской красоте и гениталиям. Оставлю это дело женщинам — пусть они оценивают мужчин и их причиндалы.

«Кадиллак» катил по утренней Москве, на рассвете обильно умытой поливальными машинами. Пахло мокрой травой, землей, мокрым и нагретым асфальтом. По улицам уже спешили прохожие — ярко и вполне нарядно одетые. Девчонки радовали стройными ножками в коротких, очень коротких юбчонках (пришла мода с Запада) — еще чуть-чуть, и будет видно трусики. Парни подметали асфальт дико расклеванными и обтягивающими бедра

штанами, расстегнув легкие приталенные рубашки практически до пупка. Жара! Июнь!

Честно сказать, в Москве летом просто ужасно. В Москве нужно быть осенью, в сентябре, когда под ноги падают листья, и запах этих вянущих лабораторий фотосинтеза ласкает твои обонятельные рецепторы. Люблю запах осени, хотя саму осень не очень. Увядание, умирание природы — что в этом хорошего? Вот весна, май — это здорово!

Лето? Ну а что летом особо хорошего, если ты заперт в мегаполисе, стоящем на болотах, и тебе некуда деться, некуда спрятаться от палящего солнца и влажного, пропитанного запахом плавящегося асфальта воздуха? О кондиционерах простые граждане тут и не мечтают. Это я могу себе позволить вставить в окно чудо японской техники и наслаждаться прохладным воздухом, а остальные...

В общем — на волю, в пампасы! То есть в Переделкино. На Дачу. Кстати, там по проекту должны быть кондиционеры. И когда я заложил их в проект, мне никто ни слова не сказал о том, что это сибаритство и что советский гражданин должен терпеть и преодолевать — иначе какой же он советский гражданин? Шучу, конечно, — когда дело касается государственных интересов, Страна Советов не мелочится. И в отношении моей личности — тоже.

Впрочем — Дача сама по себе должна быть чем-то вроде термоса. С ее-то толщиной стены, в которую замурованы бронеплиты. Это ведь настоящий бункер! И не удивлюсь, если он способен выдержать удар ядерной бомбы — не в «макушку», конечно, но где-нибудь поблизости. В «макушку» и подземные схроны не выдержат.

Доехали нормально, и как всегда — под перекрестным огнем взглядов советских граждан, для которых белый «Кадилак» — это как летающая тарелка с зелеными человечками. Менты нас не останавливают, только смотрят вслед и показывают пальцем. Смысл останавливать такую персону, даже если он чего-то там нарушил? Скорость, например, превысил. Ясно же, что ездить на «Кадилаке» в Советской стране может только лицо самого высшего ранга, такого высокого, что лучше бы от него быть подальше. Как от греха.

Никаких постов при подъезде к Даче не было, по крайней мере — видимых. Может, и сидели какие-нибудь «ниндзя» по кустам, но я их не заметил. Да и смысла никакого нет — выставлять пост. Это когда строили, имело смысл — вдруг сделают закладку? Шпионское устройство, например! Или бомбу заложат! Или подсмотрят устройство объекта. А теперь-то чего? За высоченным бетонным забором совершенно ничего не разглядишь, при всем горячем желании. Если только забраться на вершину одной из сосен в ста метрах от Дачи? Но это надо еще забраться, на высоту двух и более человеческих ростов все ветки посрубали, без спецсредств не заберешься. А человека со спецсредствами засекут просто-таки на раз. Наблюдатели из охраны не дремлют. Ну да, еще остаются вертолет, воздушный шар, космический корабль — но я не буду умножать число сущностей.

Плотные стальные ворота выдержат гранату и обстрел из тяжелого пулемета — как и планировалось. Если поставит против гаубицу или засветит из танковой пушки, тут, конечно, им и конец. Но

для того, чтобы поставить гаубицу или подогнать танк — надо еще постараться. Защитники Дачи тоже не пальцем деланы, и у нас есть тяжелые пулеметы и противотанковые гранатометы. И еще кое-что... о чем знают совсем немногие. Мы готовы к бою.

«Кадилак» подкатил к воротам, и не успел я нажать на сигнал, как они медленно и плавно, практически бесшумно стали отъезжать в сторону. Никого не было видно — никакой охраны, никаких постовых, — просто ворота отъезжают сами по себе. Отъехали, и «кадди» снова двинулся вперед, постукивая шинами по стыкам больших квадратных плит.

Дом был красив и... как бы это лучше сказать? Могуч! Да, вот то слово — могуч! Нечто среднее между средневековым замком и барским поместьем. Не видно ни тяжелых пулеметов, укрытых за пуленепробиваемым барьером на крыше, ни автоматических гранатометов, никак не видно, что это на самом деле не дом, а дот, готовый выпустить из своего нутра сотни и тысячи смертоносных снарядов, каждый из которых может унести человеческую жизнь. И не одну. Здесь даже стекла были не простыми — пуленепробиваемые, они спокойно выдерживали бронебойную пулю автомата Калашникова или СВД. Эти стекла не так давно начали выпускать, и вот — они уже стоят на моей «даче».

У дверей меня встретил худощавый мужчина лет сорока, невидный, можно сказать, неказистый, одетый просто и неброско. Я с ним уже встречался — еще в мае. Он тогда представился Федоровым Юрием Игоревичем и сообщил, что служит завхозом при моем доме и по всем вопросам хозяйствования мне следует обращаться к нему лично — те-

лефоны имеются и в кабинете, и в спальне, и везде, где это нужно. А теперь в доме есть две поварихи и несколько горничных, которые будут ухаживать за мной и Ольгой и за нашими гостями — если такие появятся. Нет, обслуживающий персонал живет не в доме — для них гостевой дом чуть поодаль от главного дома, персонал работает по неделе — неделю работает, неделю отдыхает.

Юрий Игоревич предложил проводить меня по дому, показать, где и что находится, освежить, так сказать, память (он уже показывал дом в нашу прошлую встречу), но я, поколебавшись, отказался. Мне нужно было увидеться с моей группой инструкторов, и самое главное — с ее руководителем. О чем я Юрию Игоревичу и сообщил. Он ничуть не удивился и предложил мне пройти за ним туда, где живут курсанты и находятся инструкторы. Да, именно находятся, потому что здесь они не живут, после окончания занятий ездят домой, в Москву.

Отправив Ольгу в дом — смотреть и разбираться, где там что и как найти, — я следом за «завхозом» отправился к невысоким длинным строениям, совсем не похожим на казармы. Сложены эти строения из так называемого «дикого камня» — грубо отесанные глыбы скреплены известковым раствором. На самом деле, скорее всего, это была стилизация под старину, и плиты, наклеенные на кирпич, только изображали этот самый камень.

Казармы построены по тому же принципу, что и главный дом, — в середине стены, сложенной в три кирпича, находится стальная бронеплита, способная выдержать интенсивный обстрел из крупнокалиберного пулемета типа ДШК или только что

созданного, еще не пошедшего в войска «Утеса». Трехсантиметровая бронеплита, со слов инженеров, легко выдерживала пули из ДШК, который превращает в решето любой «бэтээр». Надеюсь, что они не врут.

— Вы, наверное, хотите в первую очередь увидеть командира? Дмитрия Федоровича? Он сейчас на теоретическом занятии в учебном классе, — сказал Юрий Игоревич. — Первый кабинет. Проводить?

— Сам найду, — кивнул я и попросил: — Распорядитесь, чтобы из машины достали наши чемоданы и отнесли в дом. И неплохо было бы ее вымыть — грязна, как куча навоза. Мы только что с отдыха, не успели помыть.

— Будет сделано, — кивнул Юрий Игоревич и пошел туда, откуда мы с ним пришли.

Я потихоньку распахнул тяжелую дверь, явно бронированную, но снаружи выглядящую простой деревянной, шагнул в коридор, который до смешного напоминал коридор в какой-нибудь сельской начальной школе. Ряд окон слева, справа — кабинеты под номерами. Не хватало только табличек «Кабинет химии» или «Кабинет математики». Но здесь если и преподают химию, то лишь в прикладной форме — например, как лучше составить органический яд, который можно выделить из всем известных растений, или изготовить взрывчатку из подручных средств. Кстати — в отношении взрывчатки Аносов со товарищи большой специалист.

Здесь, кстати, он не Аносов. Дмитрий Федорович Ковалев, и только так. Позывной — Акела. Ну а мой позывной Маугли, по документам прикрытия — Мишутин Максим Витальевич. Почему не под своим

именем? Ведь кто-то может и узнать — уж больно личность я приметная, публичная личность. А вот так! Может, я только похож на Карпова! Двойник. Мало ли в мире двойников? А если человек попадет-ся при исполнении боевого задания и из него вытянут информацию — пусть лучше он назовет меня Мишутиным. А вытянут обязательно — если будет жив. Нет людей, которых нельзя сломать — если уметь это делать.

За дверью ничего не было слышно. Оно и понятно — в таком месте не может быть фанерных дверей. Только пуленепробиваемые, только звукоизолированные. Повернул ручку, потянул... и тут же услышал голос Аносова. А еще увидел обычные студенческие столы, за которыми сидели молодые крепкие мужчины возрастом примерно 25–30 лет. Их было... тридцать человек (я пересчитал). Одетые в гражданское — брюки, рубашки, полуботинки, — они сидели и внимательно слушали о том, каков режим секретности на нашей Даче и как они все должны его соблюдать. И вообще — все контакты с внешним миром для них на ближайшие несколько месяцев ограничены. Похоже, я умудрился попасть к самому первому, ознакомительному занятию. Впрочем — почему «умудрился»? Семичастный и приказывал мне прибыть сегодняшним утром, неспроста ведь он так приказал. Значит, сегодня все и начнется.

Я открыл дверь, которая провернулась на петлях абсолютно бесшумно (смазаны!), проскользнул в образовавшуюся щель. И тут же уселся за «парту», за которой сидел один крепыш, русоволосый, с рязанско-мокшанскими чертами лица. Эдакий типич-

ный русак, каких в Центральной России пруд пруди. Выпусти его на улицы Рязани — черта с два потом найдешь среди толпы одинаковых с лица. Ну... мне так кажется. Никаких особых примет, никаких отличительных черт. Идеальный агент — и для наружки, и для исполнителя акций. Кстати, парень чем-то похож на Есенина — ну прямо как брат!

Аносов тут же меня заметил, хотел что-то сказать, но я прижал палец к губам и кивнул: мол, продолжай! А я и послушаю. Аносов легонько кивнул и продолжил:

— Вот вкратце, для чего вас сюда собрали. Остальное вы узнаете по мере того, как будете учиться. Повторюсь — забудьте то, чему вас учили в армии — это не армия. Это... совсем другое. Вопросы есть?

— Чего опаздываешь? — вдруг услышал я голос справа от себя. — Нарвешься на неприятности! Похоже, тут зверюга на зверюге! Не слышал, что говорили?

— Нет, — с искренним сожалением ответил я. — Пропустил. А что-то важное?

— Еще бы не важное! — тихонько фыркнул блондин рязанской наружности. — Говорит, что не все доживут до конца обучения! Понял?

— Не-а... — усмехнулся я.

— Ничего, поймешь! — многообещающе ухмыльнулся блондин и тут же вскочил, повинуясь голосу Аносова:

— На задней парте... да, вы! — Аносов указал на моего соседа. — Чем там занимаетесь? Чего болтаете?

— Извините, товарищ...

— Акела, — усмехнулся Аносов. — Зовите меня просто Акела.

— Извините, товарищ Акела! Рассказываю опоздавшему новичку, как обстоит дело!

— И как оно обстоит? — снова усмехнулся Аносов. — И как реагирует новичок?

— Дело обстоит так, что не все доживут до окончания курсов! — отрапортовал блондин и почему-то торжествующе посмотрел на меня. Видимо, ему доставляло удовольствие сообщать плохие новости.

— Да, не все... — задумчиво протянул Аносов. — Особенно те, кто болтает и не слушает преподавателя. Слабые. Неловкие. И... просто невезучие. И это хорошо.

— Разрешите задать вопрос, товарищ Акела? — не унимался блондин.

— Разрешаю, — кивнул Аносов. — Спрашивайте. И вообще, старайтесь поменьше прибегать к армейским формам обращения. Почему — потом поймете.

— Хорошо... товарищ Акела! — кивнул блондин. — А почему хорошо, что не доживут слабые и невезучие? И вообще — что значит «невезучие»? Это как-то не укладывается в теорию материализма! Мистикой попахивает! Как так?

— Слабые и неловкие нам не нужны. Кого-то отсеет, кто-то сам отсеется в процессе обучения. А что касается невезучих... вы разве не встречали людей, которые все время влипают в какие-то истории? Они ломают ногу на ровном месте, теряют деньги, падают там, где прошли тысячи, от них уходят жены и невесты, их случайно обходят по службе. Мистика или нет — но такие люди есть, у них процент неприятностей гораздо выше, чем у других людей. Есть

счастливики — они выигрывают в лотерею, у них все ладится. А есть вот такие — неудачники, и они нам точно не нужны — могут завалить операцию.

— А какие операции нам предстоят? И почему нам сказали взять себе псевдонимы? — снова спросил блондин.

— У вас, кстати, какой псевдоним? — спросил Аносов, глядя в глаза блондину.

— Я не знаю... я еще не выбрал! — растерялся парень.

— Будете Блондин, — широко улыбнулся Аносов.

— Блондин? — растерялся парень, потом махнул рукой. — Да пусть, какая разница... Ну так почему?

— Потому, что, не зная настоящих имен, вы не сможете сказать их врагу! — сурово ответил Аносов. — Если вы попадетесь, все, что будете знать, — это псевдонимы инструкторов и своих товарищей. Операции вам предстоят всякие. Какие именно — узнаете, когда придет время. Одно скажу: это тайные операции, самого высокого уровня секретности. Опять же — все детали вы узнаете только тогда, когда останутся самые лучшие, те, кто нам нужен.

— А как узнать, кто вам нужен? — спросил чернявый парень, сидевший впереди меня. Худой, жилистый, с узким топоробразным лицом, он чем-то напоминал самурая из старого фильма «Семь самураев». Тот, что дрался на дуэли, специалист по боевым искусствам. Такие с виду спокойные, даже заторможенные люди бывают очень опасны в бою. Под их сонной личиной частенько скрывается взрывной темперамент.

— Вы кто? — внимательно посмотрел на него Аносов.

— Курсант... Самурай! — вытягивается чернявый.

— Хорошо, курсант Самурай, — кивает Аносов. — Нам нужен тот, кто сумеет выполнять все наши требования.

Аносов улыбается, курсанты растерянно молчат. Потом Акела обводит взглядом весь кабинет, задерживаясь на лицах некоторых курсантов, и задумчиво говорит:

— Я не зря сказал, чтобы вы забыли все, чему вас учили в училище. Все, чему вы научились в армии. Там вам дали базовую подготовку, можно сказать — кое-чему научили. Немного стрелять, немного драться, закалили ваше тело, подготовив его к дальнейшим испытаниям. Вы станете диверсантами самого высшего класса, специалистами, которые по приказу своей страны сделают все, что возможно в человеческих силах. И то, что невозможно, — в первую очередь. И вы должны научиться исполнять приказ командира — каким бы странным и даже страшным он ни казался. Вы будете солдатами невидимого фронта, вы будете оружием высшего руководства страны! Вас научат убивать всеми известными в настоящий момент методами, вы пройдете через лес так, что не хрустнет ни одна веточка, вы будете лежать под водой часами, взбираться на стены, закапываться в землю, как черви, голыми руками побеждать нескольких вооруженных противников! А если не сможете — вы нам не нужны. Останутся только те, кто сможет. Но я вам это уже говорил.

— Товарищ Акела... многие из нас все это умеют, — спокойно, без эмоций сообщил Самурай. — И сквозь лес, и стрелять, и работать холодным ору-

жем. И с несколькими противниками — тоже. Чему еще нас можно научить?

— Много чему, — холодно улыбнулся Акела. — Насколько я понимаю, курсант Самурай считает, что может победить нескольких подготовленных противников голыми руками?

— Да, я так считаю, — кивнул Самурай, бесстрашный и спокойный. От него на самом деле веяло силой, он был как сжатая пружина, готовая распрямиться. Интересно, откуда он взялся? Где служил? Надо будет посмотреть его личное дело и взять на заметку. Не зря он взял себе псевдо Самурай.

— Товарищи курсанты, перейдем в тренировочный зал! Встать! На выход — за мной!

Аносов широкими шагами пошел к двери, прошел мимо меня — не взглянув. Вот же старый конспиратор... сейчас что-нибудь отмочит, точно.

Зал спокойно вмещал тридцать человек курсантов. Мог вместить и пятьдесят — вполне себе широкое помещение. У стен — гантели, штанги, тренажеры. По центру — пустое пространство, которое можно быстро застелить матами — их в углу лежал целый штабель. Ну и как обычно — кольца для баскетбола и сетка для волейбола, без этого никак. Надо же давать людям отдушину, да и для выработки командного духа спортивные игры не помешают.

— Итак, курсант Самурай продемонстрирует нам свое умение побеждать нескольких противников, — объявил Аносов, напомнив мне американских «объявляющих» на ринге. — Кто желает попробовать победить Самурая?

— Я попробую! — откликнулся Блондин.

— Я! — Это высокий худой парень, на удивление широкоплечий идвигающийся как на шарнирах. — Курсант Шило!

— Я! Курсант Амба!

— Достаточно, — кивнул Акела. — Трое. Итак, курсант Самурай, покажите, что умеете. Или вам поменьше людей? Двоих?

— Пусть будут трое, — с легкой усмешкой, даже немного высокомерно ответил Самурай. — Бьем в полный контакт?

— Не до смерти, — буркнул Аносов, явно насторожившийся. — Нам трупы на тренировках не нужны. Я вам скажу, когда можно будет в полный контакт.

— Хорошо, — равнодушно пожал плечами Самурай. — Не до смерти.

— Ты бы не наглел, парень! — не выдержал и фыркнул Блондин. — Как бы ты сам, того... не до смерти!

Самурай равнодушно пожал плечами и ничего не ответил. Он начинал мне нравиться. Интересно, какую технику продемонстрирует? Вот будет хохма, если это ниндзюцу!

— А что, будем в повседневной одежде заниматься? — спросил курсант Амба, кряжистый широкоплечий парень со шрамом на щеке.

— Сегодня вам выдадут тренировочные костюмы, — заверил Акела. — Но пока что вот так, в гражданской повседневной одежде. Начали! Хватит разговоров. Намните бока Самураю!

Намять бока Самураю не получилось. Через минуту Блондин зажимал нос, из которого обильно текла кровь, Шило лежал на полу, нарвавшись на удар пят-

кой в печень, Амба хватал ртом воздух, зажав солнечное сплетение. Так-то хороший результат, но... они (кроме Шилю) остались в сознании, а значит, могли стрелять, метать ножи и другие неприятно острые предметы. А это неправильно.

Аносов посмотрел мне в глаза, и я легонько кивнул головой — можно. Тогда он объявил:

— А сейчас Самурай и Маугли!

Самурай бесстрастно посмотрел на меня, шагнувшего в круг, и внезапно в его глазах мелькнул свет узнавания. Неужели на самом деле узнал? А что, вполне может быть — мои два боя с Али транслировались по телевидению СССР — само собой разумеется, воровски. СССР частенько не платил за украденные зарубежные программы. Ибо нефиг поважаться буржуев!

Самурай шагнул ко мне, остановился в трех шагах, постоял, опустил руки по швам, потом внезапно перегнулся, изобразив что-то вроде буквы «Г», и тихо сказал:

— Мастер, я признаю свой проигрыш. Не нужно боя. Вы победитель.

Акела вытаращил глаза, не зная, что сказать, а в толпе удивленно зашумели — как так, без боя? Что значит — без боя?! Так нельзя!

Я молча наклонил голову в коротком поклоне, и Самурай отошел в сторону. А потом я повернулся к толпе:

— Ты, ты, ты, ты и ты — вышли в центр!

Я выбрал тех, кто больше всего возмущался отсутствием поединка. Пусть потешатся.

— Ты чего командуешь?! — возмутился огромный детина, явно очень сильный. Он был огненно-ры-

жим, на носу веснушки, как и на пудовых кулаках, способных, наверное, выбить кирпич из стены какой-нибудь хрущевки. — Вот станешь командиром, тогда и командуй!

Я подошел к здоровяку и без замаха воткнул ему кулак в солнечное сплетение. Хлестко, пробивая стальной пресс точным, выверенным годами тренировок движением. Здоровяк рухнул, как подрубленная ель. Из рассеченной при падении брови обильно потекла кровь — ударился головой. Вообще, возможно, что этого парня придется отчислить — он слишком заметен. Нам нужны небольшие, крепкие, выносливые и, самое главное, без особых примет бойцы. Этот слишком приметный, как маяк в Казачьей бухте Севастополя.

— Вместо него — ты! — Я указал на невысокого, но тоже широкоплечего парня с правильными, можно даже сказать, аристократическими чертами лица. Он был похож на киноактера немого кино — как-то даже нереально красив. Только вот ростом не вышел, а так бы...

Со всеми я справился за минуту. Двое работали в боксерской манере, еще двое явные самбисты — пытались меня схватить и бросить наземь, а вот этот самый «аристократ» пытался изобразить что-то вроде карате — ему явно его показал кто-то из «знатоков», и теперь курсант пытался применить свои знания на практике. Вот только никто ему не подсказал, что удары ногами выше пояса есть глупость несусветная. И вообще — не надо красоты, ваше благородие! Больше грязи! Убийственной грязи.

Само собой — постарался ничего им не сломать и уж точно не собирался никого убивать. Но выр-

бил всех с гарантией. Очухаются минут через пятнадцать, не раньше. На всякий случай Аносов послал одного из курсантов за врачом, который прибыл буквально через пять минут, таща на себе здоровенную сумку с красным крестом. Врач был мужчиной лет тридцати пяти, худощавый, уверенный в себе. Он быстренько осмотрел поверженные тела и бесстрастно, не выражая своего мнения относительно увиденного, заявил:

— Визуально никаких повреждений не обнаружил, кости целы, так что... скоро очнут. Могу привести в чувство прямо сейчас. Нашатырем.

Я согласился на нашатырь — пусть поднимает поединщиков, не дожидаться же час или два, когда они очнут сами. Что врач и проделал — быстро, молчаливо и бесстрастно. Настоящий профи! Через несколько минут поверженные противники уже поднимались на ноги — медленно, не совсем уверенно, но поднимались. Нормально, чего уж там... урок будет на всю жизнь — если только поймут этот самый урок.

— Хотите еще попробовать? — предложил я, обводя взглядом ошеломленно молчащую толпу. — Можно всем сразу. Но тогда я не гарантирую жизнь и здоровье. Вопросы есть?

— Разрешите? Курсант Орел!

Парень меньше всего походил на орла, скорее — на медведя. Кряжистый, широкоплечий увалень. Такие увальни обманчиво медлительны и невероятно сильны. «Кость широкая» — это про них.

Кстати, Поддубный тоже не выглядел особо сильным и казался толстячком. Его мышцы не выпирали, плотно прилегая к костяку. Он никогда бы не стал

Мистером Олимпия, но этого Мистера Олимпия порвал бы, как Тузик грелку. Гарантия!

— Спрашивайте, курсант Орел, — разрешил я, на секунду забыв, что изображаю сейчас одного из курсантов. Но все почему-то отреагировали так, будто я имел право командовать.

— Почему Самурай отказался от боя? Почему вы не настояли на том, чтобы бой состоялся?

— Нам не нужно вступать в поединок, чтобы оценить друг друга, — усмехнулся я. — А кроме того, курсант Самурай очень наблюдательный человек и сразу сделал вывод — кто есть кто. Не правда ли, курсант Самурай?

— Так точно, мастер! — вдруг широко улыбнулся Самурай. — Вступать в бой с победителем Мохаммеда Али — это только для идиотов! Я видел ваши бои и скажу — вы потрясающи! Так быстро двигаться, быть таким эффективным в бою — это... Мне еще расти до вас и расти. Хотя и я все-таки неплох.

— Очень неплох, — согласился я. — В этом и заключается ответ, курсант Орел. Вступив в бой с курсантом Самураем, мне пришлось бы его калечить или убить. Иначе я бы не смог его победить. Или мог сам пострадать, пропустив один из ударов, а этого я допустить не могу. Я бы его все равно победил, но нанес бы урон. Потому, на будущее... хмм... как бы это вам лучше сказать... В общем, слушайте притчу. Вы знаете, кто такие ниндзя? Нет? Курсант Самурай, знаешь, кто такие ниндзя? Их изначальное название — синоби.

— Да, я знаю, кто такие синоби, — помедлив, ответил Самурай. — Очень хорошо знаю.

— Но остальные, как вижу, не знают. Что и немудрено, — кивнул я, отметив для себя, что с Самураем нужно переговорить в самое ближайшее время. Похоже, что нам в руки попал ценный экземпляр. Алмаз, который надо лишь немного ограничить.

— Итак, кто такие синоби? Они же ниндзя, как мы будем называть их в дальнейшем. Это убийцы и шпионы.

По толпе прошел шелест шепотка. Курсанты смотрели на меня во все глаза.

— Да, именно так — средневековые шпионы и убийцы, которые владели тайными знаниями, позволяющими им добиваться своих целей максимально эффективно и при этом умудриться выжить. Знаете, что делали с ниндзя, если их ловили на месте преступления? О-о-о... я бы мог вам ярко описать как минимум десяток способов особо медленного и мучительного умерщвления пойманных ниндзя, но ограничусь только тремя. Например — варили. Живьем, в воде или в масле. Сдирали кожу с живого. Но ниндзя существовали всегда и существуют до сих пор. Их умение — совершенно. Их приемы — подлы и максимально эффективны. Прокрасться в замок к жертве, поднявшись по отвесной стене, убить ее и вернуться прежней дорогой — вот ниндзя. Собрать из бумаги и палок подслушивающее устройство и вызнать планы врага — это тоже ниндзя. Часами лежать под водой, дыша через трубочку в зарослях камыша — и это ниндзя. У ниндзя нет чести, для них нет подлых приемов — все поставлено на службу эффективности. То есть это средневековые диверсанты и разведчики, тренированные для специальных задач.

Как вы думаете, для чего я это вам рассказал? Кур-сант Самурай!

— Вы хотите из нас сделать таких ниндзя, — твердо, бесстрастно ответил Самурай.

— Не хотим, но сделаем, — вздохнул я. — Или отчислим, или убьем. Другого пути нет. Так вот, расскажу вам притчу о многовековой борьбе одного из кланов самураев с неким кланом ниндзя. Эти кланы враждовали сотни лет — причину вражды опускаем. Ну пусть это будет убийство одного из князей клана самураев. С тех пор и повелось, что эти кланы при первой же возможности уничтожают друг друга. Итак, дело происходит уже в наши дни. Глава нынешнего клана самураев — а они все еще существуют — узнал, где находится база вражеского клана ниндзя. Где они тренируются, живут, ну и вообще — как найти их главаря. Убить его — и многовековая борьба завершится победой самураев. Самурай, надо сказать, были опутаны сетью всевозможных ограничений — в связи с их понятием о чести. Ниндзя не связаны ничем, кроме контракта с заказчиком и клановой преданности. Ну и вот — самурай со своими людьми высадился на остров, где обитали ниндзя, и после кровопролитных схваток в бою сошлись главный самурай и главный ниндзя. Был бой, и самурай, славившийся своим умением сражаться на мечях, стал побеждать. И тогда ниндзя изобразил слабость, упал на колени и попросил пощады. И самурай его не убил. Остановил схватку. Ниндзя заливался слезами, рыдал, кланялся, и самурай, человек чести, ничего не мог с ним поделать. Разве человек чести убивает пленного, сдавшегося ему на милость? И вот, пока

он раздумывал, из темноты набежали другие ниндзя, набросили на самурая сеть и связали, привязав к столбу. А когда главный ниндзя, довольный результатом сражения, подошел к самураю, тот плюнул ему в лицо и сказал, что у противника нет чести. На что ниндзя сказал такие слова: «Глупый самурай! Для ниндзя главное не честь, для ниндзя главное — победа!» Запомните эти слова, курсанты. Для вас нет чести, кроме одной — служить своей стране. Приказы, которые отдает вам командир, результат, который вы должны получить, — вот ваша честь! И ради нее вы должны сделать что угодно! А понадобится — и пожертвовать своей жизнью и жизнью своих товарищей. Учтите это. Я не знаю, сколько вас дойдет до финального дня. Надеюсь — большинство. Но если у вас есть какие-то сомнения в том, что вы способны стать... ниндзя, — лучше сразу сообщите об этом прямо сейчас. И уйдете. Пока это еще возможно.

Вообще-то это уже было невозможно. Ни один из тех, кто здесь присутствует, не будет отчислен. Если только не называть отчислением безвременную смерть. Об этом подразделении никто не должен знать. Совсем никто! Кроме тех, кому это положено. Если сейчас кто-то заявит, что отказывается становиться ниндзя, убийцей и шпионом, — он подпишет себе смертный приговор. Его уничтожат. Как и где — это уже частности. Аносов об этом позаботится.

Никто не вызвался уйти. А Самурай вдруг вышел вперед и сказал:

— Мы знали, куда идем. Не до конца, но знали. Знали, что это будет тайное подразделение дивер-

сантов высшей квалификации. Знали, что придется трудно. Но раз мы сюда пришли, значит — должны были. Значит, в нашей жизни чего-то не хватало. Возможно — именно этого. Так что, товарищ...

— Маугли. Зовите меня просто Маугли. Вы ведь уже догадались, что я не курсант? Ну так вот — именно я пока что заведу этой конторой. Кто-то уже знает, кто я такой, кто-то догадывается, а кому-то расскажут товарищи. Но для всех я — Маугли, и никак иначе. Или Максим Мишутин. Итак, Самурай, заканчивай то, что хотел сказать.

— Да я, в общем-то, все уже сказал, — слегка смутился парень. — Не будет здесь дезертиров, уверен.

— Хорошо. Тогда... тогда я рад, что вы все здесь собрались! — улыбнулся я. — И еще пара слов, парни. Не так страшен черт, как его малюют. Все, что нас не убивает, делает сильнее. А вы, кроме тяжелых тренировок, получите еще и тройное жалованье, премиальные каждый месяц, квартиру в Москве или там, куда покажете пальцем. Машину — каждому. При ранении — особую компенсацию и пенсию по высшему разряду в случае нетрудоспособности. Звание — срок до очередного звания в два раза меньше. Стаж — год за три, как на войне. Ну а если придется погибнуть... похороним по высшему разряду и поможем семье — если таковая к тому времени заведется. Или родителям. Покойнику все равно, как его похоронят, а вот семье — нет. Ну что еще сказать... подчиняться вы будете своим непосредственным командирам — то, что они скажут, для вас самый высший закон. Прикажут в кого-то стрелять — будете стрелять. Прикажут резать — будете резать. Все, что вы сделаете, лежит на их плечах, а они знают, для

чего совершена акция. Вам об этом знать не обязательно и даже вредно.

— А сколько времени продлится обучение? — спросил кто-то из толпы вокруг меня.

— Первичное, на котором мы дадим вам основы того, что вы должны знать и уметь, — два месяца. Но вообще полный курс — год. Ну и потом будете оттачивать мастерство, тренироваться — непрерывно, весь тот срок, который прослужите в подразделении «Омега». Готовьтесь ближайшие два месяца к таким интенсивным тренировкам, каких у вас никогда еще не было. Итак, сейчас перерыв на один час. Самурай, за мной. Акела, куда можно пройти, чтобы нам с курсантом можно было поговорить?

— Соседний кабинет открыт, можно там. Или в преподавательский — это в конце коридора. Тоже открыт. Я сейчас ребятам еще цеу выдам и подойду.

Я кивнул и, не глядя, идет ли за мной Самурай, двинулся на выход. Через три минуты я уже сидел за преподавательским столом. Самурай напротив, на передней парте, — напряженный, серьезный.

— Я еще не смотрел твое личное дело, — начал я задумчиво. — Потом посмотрю. А пока ответь мне на несколько вопросов. И самый главный вопрос — откуда ты знаешь ниндзюцу?

— Я не знал, что это ниндзюцу. — Парень легонько пожал плечами. — А учил меня мой дед. Где и как он научился — я не знаю. Но учил он меня серьезно, с самого раннего детства. И предупреждал, чтобы я применял боевое искусство только в мирных целях. Старался избежать школьных и уличных драк.

— И получалось? — усмехнулся я.

— Не очень, — тоже улыбнулся Самурай, — всяко бывало. Но вообще-то я старался избежать драк, а еще... никого не покалечить. Да, я спрашивал деда, где он все это узнал, где научился, но... он мне так и не рассказал. Говорил — по службе. А по какой службе, что за служба — я не знаю. Он умер, когда я уже учился в училище погранвойск КГБ, я даже на похороны не попал. Потом служил на китайской границе, не переставал тренироваться. А как называется это боевое искусство — услышал только от вас. Хотя про самураев и синоби дед мне рассказывал. Жалею, постоянно жалею о том, что не сумел разговорить деда, не узнал его тайну. Но теперь... теперь поздно. У памятника не спросишь. Вот такая история.

— Он тебя учил всему комплексу? Или только боевым единоборствам?

— Всему. И ходить по лесу, и нырять, и подниматься по стенам. Стрелять из пистолета и винтовки я выучился в училище, стреляю на отлично. Единоборства — сами видели. Я вообще мог этих парней убить. Легко. Они тренированные, сильные, но...

— Дед был из казаков?

— Вроде бы да. Не любил он говорить о прошлом.

— Ладно. С этим ясно. Тогда вот что, тебе поручение: среди курсантов подыщи еще трех дельных парней. Они будут командирами отделений, ты — командир взвода. Или нет, лучше мы назовем «группами». Первая группа, вторая, третья. Ты командир подразделения. Отвечаешь за все. Спросим с тебя!

Дверь распахнулась, и в нее вошел Аносов. Следом — Балу, Хан и Сахи. Улыбаются — неужто рады, что меня увидели?

— Привет! Привет!

Обняли, хлопают по спине, Балу стиснул так, что дыхание сперло.

— Эй, эй! Медведь! Осторожнее! Я хрупок и раним!

— А где наша женщина-кавалерист? — спрашивает Хан, оглядываясь назад, будто Настя могла спрятаться где-нибудь под столом.

— Багира... ушла Багира, — вздыхаю я и, видя, как вытягиваются, мрачнеют лица товарищей, тут же поправляюсь: — Эй, вы чего? По заданию ушла! Дело делает! Жива и здорова, здоровее вас! Кстати, знакомьтесь — это Самурай. Ниндзя.

— Кто?! — не понял Балу. — Какой такой нинзя?

— НинДзя, — поправил я. — Или по-другому — синоби. В общем — почти то самое, что мы намерены сделать из наших курсантов. Посмотрим, как стреляет, а так, сдается мне, готовый боец. Будет помогать вам учить курсантов. Надеюсь, не разочарует. Как, Самурай, не разочаруешь?

— Очень на то надеюсь, товарищ Маугли! — серьезно ответил парень, вытягиваясь по стойке «смирно».

— Я назначил его командиром взвода. Он подберет командиров отделений. Или групп — лучше так назвать. Кому, как не ему, изнутри знать, кто есть кто. Кстати, Самурай... в твои обязанности входит докладывать о поведении курсантов. Если ты видишь что-то такое, что вызывает твое беспокойство, такое, что может в будущем поставить под угрозу нашу службу, — ты обязан об этом доложить. Усвоил?

— Усвоил, товарищ Маугли! — тут же отрапортовал Самурай, на лице которого не дрогнул ни

один мускул. Это хорошо. Хуже было бы, если бы он сейчас начал возмущаться, мол, «не стукач! Не буду доносить на товарищей!» — и все такое прочее.

— Ты и Акела — наша служба безопасности. Обо всем подозрительном докладываешь ему. Не дай бог в наше подразделение просочились чьи-то агенты... это очень плохо кончится. Для тебя и для всех нас. Ну все, шагай! Отдыхай пока что.

Самурай четко, едва ли не строевым шагом вышел из кабинета, и мы остались впятером.

— Давно они здесь? — спросил я у Аносова, кивнув на дверь, за которой исчез Самурай.

— Дня три. Сегодня последние приехали, — кивнул Акела. — Ты загорелый, однако! Разлагаешься по курортам?

— Как и положено буржуинам. По пляжам шастали с Ольгой.

По комнате раздался дружный протяжный вздох.

— М-да... моя-то мне всю плешь проела — на курорт, говорит, хочу! — буркнул Балу.

— Так и отправь, — пожал я плечами, — в чем дело-то? Тебе путевку дадут на всю семью! И остальные — чего стесняетесь? Пользуйтесь, пока государство к вам благоволит!

— А может и не благоволить? — прищурил глаза Хан.

— Не задавай глупых вопросов, — парировал я, — работай, служи и получай все, что тебе положено. Вот тебе и весь сказ! Хотите, я позвоню, попрошу, или вон Акела пускай заботится, его группа, кому, как не ему, заботиться о ваших семьях! Что, старый волк, и в голову не приходило, а?

— Честно говоря, нет, — слегка сконфузился Аносов. — Скажите, куда хотите, я сегодня же позвоню, и все решим.

— Лучше в Крым пусть едут, — не раздумывая бросил я. — Вода, правда, еще холодновата, не прогрелась, но где помельче — самое то. И климат там здоровый, и вода чистая, и вообще... хорошо в Крыму! И подлечат, если что — там санаториев куча. Ну а вы... служить, парни. Эти два месяца будут просто... задницей. До самого визита Никсона. Не в курсе, что его перенесли? Ну вот, знайте. На август перенесли. «Омега» будет обеспечивать его визит — вместе с охраной. Хорошенько учите парней. Ну и я буду учить. Но мне проще, у меня спецзанятия. На вас — все основное. И вот еще что, ребята... строго между нами, военная тайна. И это не шутка.

Я обвел взглядом посерьезневших соратников, кивнул:

— Грядут события, в которых мы можем очень даже поучаствовать. Потому будьте наготове. Скоро съезд партии, на нем будет озвучена новая программа движения страны в будущее. Страну ждут большие перемены, и кое-кому это может не понравиться. Так что... ждем неприятностей. Может, они и не случатся, может, обойдется, но я думаю — не обойдется. А я, увы, стал редко ошибаться в прогнозировании неприятностей. Я бы посоветовал — семьи до конца лета куда-нибудь подальше, в тот же Крым. Долой из столицы. И подчистите свои дела. Мало ли что случится, вы понимаете? Я не хочу вас пугать, но...

— Мы понимаем, командир, — тяжело выдохнул Балун. — И всегда готовы. Слава богу, если что —

и деньги есть, и жилье есть, и дети пристроены. Знали, на что шли.

— А мне и вообще терять нечего, — грустно усмехнулся Аносов. — Ни семьи, ни детей, ни плетей. Вот только вы... моя Стая. Когда промахнусь... сожгите и пепел развейте над Волгой.

Помолчали, потом я собрался и, улыбнувшись, фыркнул:

— Чего завели шарманку? Развейл... рассыпал... Живем! И будем жить! Нас не так просто взять! Ничто не может вышибить нас из седла! Пошли, братцы. Вы к курсантам, а я осваивать свой замок. Вечером приглашаю на застолье — будем обмывать новоселье!

Глава 2

Странное ощущение. Живу в своем доме, со всеми удобствами и возможной роскошью, и попадаю на службу, всего лишь пройдя по садовым дорожкам несколько десятков метров. Никаких тебе палаток и плаца. Дома — покой, красота, за окном цветут розы и поют птички. Тут же, рядом, — пороховой дым, вытягиваемый мощными вентиляторами, учебные классы, в которых популярно рассказывают о всех возможных способах лишения жизни, и спортивный зал, в котором потные здоровенные мужики пытаются отмутузить друг друга до потери пульса.

А начинался день так: я просыпаюсь в семь часов утра, принимаю душ, иду завтракать — завтрак уже приготовлен одной из поварих и стоит на столе, накрытый белоснежными салфетками. Обычно — омлет с большим количеством молока (я такой больше люблю), бутерброды с сервелатом (настоящим, финским), бутерброды с твердым соленым сыром и хорошим сливочным маслом.

Время от времени — бутерброды с икрой, черной и красной, с осетровым балыком или форелью.

Постоянно — горячий зеленый чай с лимоном (это мне, я другого не признаю), черный кофе, сладкий до приторности (это Ольге).

Полчаса на завтрак, затем мы с Ольгой идем работать. Два часа на диктовку очередной главы книги. К десяти утра — в учебный центр.

В учебном центре — работа полным ходом, в отличие от меня курсанты встают в шесть утра, делают гимнастику, и понеслись занятия. До обеда теория, после обеда — практика, то есть применение «вживую» той информации, которую получили на занятиях.

Я в основном наблюдаю за процессом, вступая в дело тогда, когда нужно показать приемы стрельбы или особо злые приемы рукопашного боя, которые не показывал в Сенеже. Не все приемы можно было дать обычному армейскому спецназу, да и не нужны они ему.

Все занятия ведут инструкторы во главе с Акелой. В общем-то почти обычная учебка, только с особо напряженным графиком и очень жесткими тренировочными реалиями. Переломов пока не было, но сломанные носы, сильные ушибы, растяжения и все такое — сколько угодно. Носы тут же вправляются, на ушибы налагаются повязки, но телесные повреждения ничуть не означают, что получивший их не должен посещать занятия. Тренируются все — больные, увечные, невыспавшиеся и усталые. Никаких исключений.

Питаются в столовой, где курсантов обслуживают молчаливые и незаметные как тени повара и подавальщики. Они живут в отдельной казарме, им запрещено разговаривать с курсантами на любые темы. В отношении чистоты белья и одежды — своя прачечная, где тот же обслуживающий персонал стирает, сушит и гладит. Курсанты только

учатся и тренируются. По двенадцать часов в день. Восемь часов на сон, четыре часа на гигиену и личное время.

Недели через две начнем вывозить их в лес — «играть в прятки». Старая гвардия научит, как прятаться в лесу, как по нему ходить, как находить тех, кто в лесу спрятался. Через месяц начнем тренировки в городе. Первые уроки по изменению внешности начались в первый же день обучения. Аносов — великий мастер перевоплощения, а на нашем складе куча всевозможных париков, банок с красками, тонами и всяческими такими штуками. Ну и одежда — от самой что ни на есть обыденной, треники и водолазки, до костюмов от хороших портных и даже смокингов. Курсанты должны уметь носить любую одежду так, чтобы она сидела на них как влитая.

Всю одежду подбирали по размерам курсантов, на каждого по комплекту одежды как минимум в десяти вариантах.

В общем — разобраться в этой груде барахла мог только завхоз Игорь Юрьевич и его помощник, которого Игорь Юрьевич называл просто Коля. Они каким-то образом систематизировали все эти залежи барахла и находили нужную одежду нужного размера буквально за секунды.

Я много стрелял, показывая курсантам, как это правильно делать, на своем примере, и просто для того, чтобы поддерживать стрелковую форму. Курсанты в общей своей массе из пистолета стреляли на отлично, но... в рамках армейских правил. «Левую руку назад, правая рука вытянута, стоять боком к мишени, пистолет на уровне глаз!» Я же учил их

интуитивной стрельбе — не целясь, из любого положения, в прыжке, в падении, от груди, от бедра — из любой позы. Патронов не жалели, как и стволов пистолетов.

Основными были «макаров», в том числе и с новыми, мной «разработанными» глушителями (я его содрал с одной из американских моделей будущего), а также иностранные модели, такие как «Хай-Пауэр» 9 мм, «вальтер» ППК, «Кольт 1911» (куда ж без него?!), ну и полицейские револьверы «Смит и Вессон» и «КОЛЬТ».

Жаль, что глушители можно было приделать только на «макаров», по крайней мере — пока. Чтобы поставить его на «иностранцев», нужна достаточно серьезная работа, а значит — время. Времени у нас мало.

Кстати, насчет времени — как ни странно, у меня его оказалось достаточно, чтобы заниматься своими делами. То ли я уже привык к напряженному течению своей жизни, то ли нагрузка оказалась неожиданно и сравнительно небольшой, но... у меня оставалось время и на личную, так сказать, жизнь, в плане моей литературной деятельности и бизнеса. Впрочем, одно неотделимо от другого. Выехать за границу я пока что не мог, но руководить процессом издалека — это запросто.

Связался со Страусом, дал ему еще один мой телефонный номер — Дачи. Страус рассказал, что наше шоу «Выживший» имеет грандиозный успех. Он уже заключил контракт с телеканалами (США и еще десятком стран) на несколько лет вперед, и мы заработали несколько десятков миллионов долларов. Подтвердил он и факт того, что мои юристы все-таки

добили британских букмекеров, которые решили зажать мой выигрыш. Отсудили больше ста миллионов долларов, а еще кое-какую недвижимость возле Лондона — поместье и старый замок, правда требующий ремонта. Просто у этих аферюг не было денег, так что отняли все, что у них было. Так что я теперь очень богат. Если сравнить цены 1972 года и 2018-го — у меня сейчас не менее трех миллиардов долларов. Хорошая прибавка к пенсии! Хе-хе...

Вот-вот пойдет в прокат первый фильм серии «Нед», скорее всего, к Новому году. Полным ходом идут съемки «Гарри», отснято больше половины материала. Книги продаются как горячие пирожки, так что фильм просто-таки обречен на успех. Снимали бы и быстрее, но требуется много специальных съемок, чтобы как следует показать в фильме настоящую магию. Чтобы не было топорно.

Страус горит желанием увидеть рукопись продолжения серии по Гарри и очень меня торопил, мол, надо успеть, пока интерес людей к этой теме не затих. Я ему не стал говорить, что вообще-то это тема, как ни странно, никогда не затихнет, что люди, как сумасшедшие, будут читать и смотреть о мальчике Гарри годы и десятилетия, что появятся так называемые «фанфики» на тему Гарри — легальные и нелегальные, так что особо беспокоиться не нужно. Я прекрасно его понимаю — куй железо, пока горячо.

Поговорил и с Роем Диснеем — он был очень рад меня услышать, но осторожно так спросил, когда же я планирую появиться на рабочем месте. Действительно — получаю зарплату в миллион долларов в месяц, так надо хотя бы иногда появляться на работе! Ну да, моя задача не просиживать штаны в офи-

се, а подавать идеи, и я уже подал идей столько, что студия «Уолт Дисней» может на них существовать десятилетиями, и вполне успешно, но... совесть надо иметь! Сообщил, что планирую приехать осенью, что задержался по семейным обстоятельствам. И что очень рассчитываю, что Рой поучит меня управляться с яхтой — как только приеду, яхту приобрету. Рой сразу размяк — старый яхтсмен, для него разговоры о яхтах и море как наркотик. Я и правда собираюсь приобрести яхту — большую, океанскую, но такую, чтобы можно было управляться одному. И походить на ней вдоль побережья Америки — а почему нет? Классно ведь! Мечта!

Связался и с моим поместьем в Монклере. Там все было в порядке, Нуньесы — Амалия и Серхио — очень обрадовались, услышав мой голос. Долго рассказывали, как у нас там все цветет и пахнет, каким прекрасным стал сад, и посетовали, что я так давно не приезжал. Соскучились и хотят меня видеть. Хорошие люди. Родители Лауры, жены моего друга Пабло. Кстати сказать — Пабло и Лаура активно снимаются в «Неде», не так давно звонили, спрашивали, как дела у меня в СССР.

Про Ниночку я спрашивать не стал. Снимается, получается у нее — ну и слава богу. Посмотрим, как она получится в моем фильме. Впрочем, я и так знаю — хорошо получится. Ее ждет успех. Воспользуется она этим успехом или нет, станет крупной голливудской звездой или останется актрисой одной роли — я не знаю. Непредсказуемо. Поживем — увидим.

В общем, постепенно я «разрулил» с моими делами, и они пошли как по маслу — даже самому удивитель-